

Историческая наука и верификация знания

Анализируя отношение к истории общества и государства, мы сталкиваемся с двумя параллельно существующими и противоречивыми тенденциями. С одной стороны, растет интерес к истории, книги по истории, особенно насыщенные живой конкретной информацией, быстро раскупаются. Широко обсуждаются судьбы и проблемы так называемого единого учебника истории для средней школы. Внимание к нашему прошлому, интерес и понимание истории демонстрирует высшее руководство страны. Но наряду с этим грантовая и иная поддержка исследований по истории несоизмеримо мала по сравнению с другими приоритетными направлениями науки. Выпускники средней школы часто демонстрируют чудовищную безграмотность, путаницу в фактах и событиях.

ЕГЭ закрепляет формалистический подход к предмету и, кроме того, пока обязателен лишь для небольшой группы абитуриентов, избирающих для поступления некоторые гуманитарные факультеты вузов. Бюджетный набор на эти факультеты, особенно на исторические специальности в региональных университетах, к сожалению, катастрофически сокращается, что чревато разрушением научных школ и кризисом в подготовке профессиональных историков, вузовских и школьных педагогов¹.

Люди высказывают в разговорах, прессе, эфире и тем более в Интернете зачастую противоположные и весьма субъективные оценки прошлого. У некоторых интеллигентов, даже получивших хорошее техническое или иное естественнонаучное образование, наблюдается скептическое отношение к истории как науке. Ее обвиняют в недостоверности и идеологизированности. На самом историческом поле произрастают сорняки псевдоистории и фолкхистории, «новые хронологии» и иные изобретения талантливых

КАРПОВ Сергей Павлович — декан Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор исторических наук.

¹ См. подробнее: **Бородкин Л. И., Ковтун Е. Н., Кротов А. А.** Гуманитарная катастрофа // Аккредитация в образовании. 2013. № 62. С.48–51. — www.akvobr.ru/gumanitarnaja_katastrofa.html

Ключевые слова: историческая наука; наукометрия; МГУ; Минобрнауки; эффективность научных исследований; организация науки; финансирование науки; развитие науки в РФ; интересы общества.

специалистов в других областях знания, уверенных в непогрешимости своих исторических «открытий». Профессиональным историкам, как и многим другим ученым, директивно навязывают не применимые к их науке рейтинги и индексы в стремлении добиться вхождения в пятерку, десятку, сотню «лучших» университетов и институтов мира, зачастую попавших в эти топилисты с помощью небескорыстных судей и по далеким от объективности показателям.

Главная проблема современной наукометрии — ее подчиненность ино-родным науке показателям, зависимость от критериев зарубежных разработчиков и фактическое игнорирование в мировых системах типа «Scopus» или «Web of Science» работ, написанных на кириллице. Не менее важно то, что в них предпочтение отдается журнальным публикациям, а не монографиям или авторитетным тематическим сборникам. И если это оправдано для естественных или технических наук, то абсолютно неприемлемо для наук гуманитарных. Получается, что определяющими в оценке, например, работ по российской истории автоматически становятся англоязычные журнальные публикации.

Индексы цитирования выводят на первый план не столько серьезные и востребованные публикации, сколько зачастую скандально-провока-тивные или посвященные широко известным темам². К примеру, про-рывные исследования по сравнительно узкой проблеме не найдут в них должного отражения. Известной альтернативой являются такие индек-сы интернет-цитирования, как «Google Scholar», но и они по сути сег-ментарны. Более объективны системы учета научно-образовательных достижений, типа «Истина» (МГУ), где сам исследователь вводит данные о своей деятельности, проверяемые затем экспертами. Такие показатели полнее и объективнее, но нуждаются в индексировании работ разного жанра и уровня. И все же без компетентной экспертной оценки ведущих специалистов никакая серьезная наукометрия не возможна. Это и сей-час широко используется во всем мире — например при распределении грантов или отборе ученых на вакансии в университетах или иных уч-реждениях.

Критерий востребованности научных результатов вообще не эффекти-вен в оценке достижений фундаментальной гуманитарной науки. Иногда к наработкам и выводам историков обращаются через годы, а то и века. Тем более критериями (особенно при определении количества мест студентов и аспирантов в вузах) не могут быть исключительно текущие потребности рынка, с его быстро меняющейся конъюнктурой. У историков есть своя осо-

² Критика наукометрии неоднократно проводилась авторитетными учеными и научными коллективами. См., например, материалы об индексах цитирования и других наукометрических показателях на портале РАН: Индекс цитирования — инструмент, а не цель. — www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06; **Каленов Н. Е., Селюцкая О. В.** О российском индексе цитирования // Новые технологии в информационно-библиотечном обеспечении научных исследований: сб. научных трудов. Екатеринбург, 2010; Дайджест по индексам цитирования в оценках российских и зарубежных экспертов. — www.fel.mirea.ru/files/DOCS/InCite.pdf

бая миссия: сохранение исторической памяти поколений и передача ее потомкам. К этой миссии нельзя относиться пренебрежительно, исходя только из прагматических соображений.

Всякая недооценка гуманитарного знания неминуемо чревата падением культуры и идейной деградацией, а недооценка истории к тому же таит угрозу амнезии, потери иммунитета и самоидентификации нации. Попросту — утраты патриотизма в благородном, не избитом, понимании этого слова.

Так много ли нужно для поддержки истории как науки и учебной дисциплины? Скажу сразу: несоизмеримо меньше, чем для поддержки наукоемких технологий. Профессиональному историку сейчас важны три вещи: свобода творчества и время для реализации трудов, доступ в отечественные и зарубежные архивы и древлехранилища и минимальное техническое оснащение с компьютером и доступом в Интернет. Археологам и антропологам — пожалуй, чуть больше техники и пространства... Но, повторю, это немного даст многие результаты, если историк будет обладать необходимым временем для того, чтобы искать и думать, не будучи стеснен, как ныне, сверхнормативными нагрузками, подработками и морем бюрократических отчетов и отписок.

У каждой страны, у каждой научной школы есть свои конкурентные преимущества. Но всегда и везде к таковым относится сохранение интеллектуального потенциала, научных школ и коллективов, способных поддерживать науку на должном уровне, развивать ее. В России, как и в СССР, такую задачу вместе с университетами решала Академия наук. Сложилось известное единство академической и университетской науки. Проведенная реформа РАН, подчинив науку бюрократическому регулированию, по сути, ослабила наши конкурентные преимущества, усилила чиновное регулирование науки с неочевидными пока результатами. Я ни в коей мере не оправдываю многочисленные ошибки, изъяны и даже возможные злоупотребления в управлении Академией; но сохранение связи Академии и ее институтов — насущная необходимость развития науки вообще. Так же, как и сохранение автономии и саморегулирования академической и вузовской науки.

Планируемое слияние и укрупнение («реструктуризация») академических институтов по территориальному в основном признаку сможет сэкономить бюджет, но не продвинет науку. Эта мера, как и набирающий силу процесс превращения традиционных исторических факультетов университетов в институты и «центры», противоречит главной тенденции мировой науки — дифференциации знания и появления новых его отраслей на междисциплинарной основе. Важно, что руководство ФАНО, как кажется, понимает необходимость детального обсуждения этого процесса. Историческая наука несомненно относится к числу традиционных и консервативных специальностей. Ей противопоказаны скачки и гримасы. Новации в ней необходимы и востребованы на основе фундаментальности, структурно сохраняемой лучшими университетами и институтами РАН.

Необходимо возрождение в обществе доверия к истории как достоверному знанию, разрушенного, с одной стороны, безудержной идеологизацией и политизацией истории в прошлом, с другой — ее вульгаризацией и профанированием в настоящем. Погоня не за достоверностью, но за эффективностью и оригинальничанием, скорым результатом, поддерживаемая нередко грантами, укореняет вредное и легковесное отношение к науке. Одесская пословица «Сделайте мне красиво» ставится зачастую во главу угла при оценивании труда ученых. Всезнайство дилетантов и компиляторов от науки, все шире распространяясь, оттесняет выучку и фундаментальность. Размываются критерии достоверности, падает культура исследования. Отсюда тоже происходит недоверие в обществе к выводам и результатам трудов историков. Зачастую читатель за знанием обращается не к современным ученым, а к дореволюционным или иноземным авторам еще и потому, что вторые умели хорошо владеть словом и привлекать интересный материал, не засушивая его наукоподобной фразеологией. Возврат на авансцену серьезной популярной литературы — очевидная задача нынешних отечественных историков.

И вновь о критериях достоверности. Они могут основываться лишь на верификации знания, достигаемого разными путями. Принцип не лгать себе и читателям самоочевиден. Равно как и принцип полноты и тщательности в отборе материала, без исключений и изъятий противоречащих мнению автора фактов. Но еще важнее четко отделять точно установленное от предполагаемого, гипотетически реконструируемого. Без фигур умолчания, с корректным объяснением всех сторон сложного и противоречивого исторического процесса. Без ненужной идеологизации и подражательного следования модным тенденциям чужих школ.

Уважение к собственным традициям и к мнению оппонентов, способность к диалогу всегда отличали подлинную науку. Опорой исследователю и основой проверки должны быть профессиональные базы и банки данных, достоверные электронные ресурсы. Такие, при обращении к которым делающий запрос восходит от него к источнику, архивному или иному, к иллюстрации, к артефакту. А затем может увидеть объяснение и комментарий специалиста, карты и схемы, найти необходимый инструментарий. С этим связана и подготовка учебных материалов.

Много дискуссий и непониманий вызвала подготовка единого школьного учебника по истории. Между тем речь шла не о новом «Кратком курсе истории ВКП(б)», а о нормативе элементарно грамотного человека, где были бы сформулированы факты и идеи, не знать которых гражданин не может. Для этого и была нужна единая концепция, включающая нормативные показатели. Как и всякая другая, она не идеальна и должна меняться с ходом времени и развитием самой науки. Она не может и не должна удовлетворять всем возможным запросам и потребностям нашего поляризованного общества. Ее цель — определить необходимое и избежать излишнего. На

³ См. Минобрнауки отказалось от идеи введения единого учебника истории. — <http://news.mail.ru/politics/19329971/>

этой базе на конкурсной основе должны создаваться учебники, книги для чтения, хрестоматии, атласы и иные дидактические материалы. Лучше, если собственно учебник будут создавать совместно ученые, методисты, школьные учителя, знающие специфику детской психологии. Примечательно в связи с этим заявление министра образования и науки Российской Федерации Д. В. Ливанова: «У нас единого учебника истории скорее всего не будет. У нас будет единый историко-культурный стандарт, на основе которого будут разработаны учебники истории. Это не означает, что будет один-единственный учебник»³.

Вместе с тем министр отметил необходимость «единого подхода» к преподаванию истории в вузах: «Перед нашей школой стоит задача обновления исторического образования. Одна из приоритетных тем — обсуждение практики применения школьной концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. С этого учебного года, хотя учебников пока нет, концепция в полной степени применяется для преподавания в средней школе. Крайне важно аналогичную работу провести в том, что касается преподавания истории в высшей школе, в наших вузах. Важно обеспечить единство подходов к преподаванию истории и на уровне высшего образования. Это одна из актуальных задач»⁴.

Хочется думать, что «единство подходов» вовсе не предполагает унификацию и идеологизацию знания. Школьное и высшее образование кардинально отличаются друг от друга. В основе высшего профессионального образования лежит умение интерпретировать источник, анализировать часто противоречивые и взаимоисключающие концепции — словом, не только и не столько «выучка», сколько аналитика. Важная роль принадлежит методике образования. Сочетание единой линейки школьного и вузовского образования обеспечивается государственными стандартами. В их подготовке основная роль принадлежит учебно-методическим объединениям вузов (УМО). Озабоченность может вызывать то, что в ряде технических и других вузов естественнонаучной специализации изучение гражданской истории нашей страны заменяется изучением истории предмета (химии, физики и т. д.) или просто резко сокращается. Это и приводит к невежеству и историческому нигилизму людей уже с высшим образованием.

Нельзя не отметить, что в последние годы интерес к истории, понимание ее важности демонстрирует и высшее руководство страны. Достичь верификации знания можно именно совместными усилиями ученых и власти, создающей благоприятные условия для их эффективной работы. ◆

⁴ См. Минобрнауки РФ: необходим единый подход к преподаванию истории в вузах. —<http://ria.ru/society/20141117/1033673232.html/>